

“Литроссия” объявила войну “Нашему современнику”. Выстрелы трещат. Бьют изо всех калибров. Тут и полемические заметки Д. Чёрного “Чей современник?” (№ 1, 2016), и критическая статья С. Морозова “Дедушкина литература” (№ 5, 2016), и старый, хотя и недобрый донос А. Байгушева “Самое проверенное средство борьбы с коррупцией” (№ 4, 2016).

Конечно, можно внимания не обращать. По принципу: “... лает, а караван идёт”. “Наш современник” – единственный из толстых литературных журналов, практически не потерявший подписчиков в 2016 году. Тираж “Нашего современника” превосходит тиражи ближайших конкурентов – “Нового мира” и “Знамени” вместе взятых.

Победитель может позволить себе великодушие. Да и как спорить с путанными рассуждениями Александра Байгушева, перескакивающего с пятое на десятое? Внятным у него вышло только донесение по начальству. Вот что значит сусловская школа – возрастная сумятица в голове, а формулировки политических обвинений помнит: “Они хуже любой “пятой колонны”; “ловко прикрываются маской”; “лукаво сталквивают доверчивый простой русский народ с государственной, насквозь русской властью”. О ком это? Да обо мне, грешном, вместе с главным редактором “Нашего современника” Станиславом Куняевым. “Для сохранности и целостности нашего государства выдающие себя за ура-патриотов Куняев и Казинцев гораздо опаснее открытого хама и “поджигателя” Навального”.

Во времена байгушевской юности после таких обвинений подъезжал воронок и жертвы доноса надолго, а то и навсегда выпадали из нормальной жизни. К счастью, сейчас иная эпоха. Взорные наветы могут разве насмешить.

Не стану ссылаться на то, что в течение десятилетий “Наш современник” служит школой действенного патриотизма. Что именно на наших страницах были сформулированы идеи, которые впоследствии легли в основу нового внешнеполитического курса страны. Задам А. Байгушеву один отрезвляющий вопрос: если бы мы с Куняевым были “бунтовщиками похуже Навального”, какими он нас изображает, разве отдал бы в “Наш современник” свои произведения Дмитрий Рогозин, Сергей Глазьев, Александр Проханов?

Чтобы исключить двусмысленность, уточню: поддерживая патриотическую идеологию Путина, мы, в отличие от “Литроссии”, не опускаемся до подхалимажа. Поддерживаем державный разворот, но критикуем за медлительность, не соответствующую драматизму ситуации, за упущенные возможности развития, опрометчивые реформы науки, образования, медицины, за коррупцию и рост имущественного неравенства, грозящий социальным взрывом. Нам не всё равно, что станет с нашей страной.

Думаю, сказанного достаточно, чтобы прекратить бесплодный спор.

Если политическая клевета заслуживает презрения, то атака на нашу молодёжь требует серьёзного ответа. “Самолёт легче всего сбить на взлёте”, – это я ещё Захару Прилепину в самом начале его карьеры говорил. Творчество новичков недостаточно известно читателям. В таких случаях публика склон-

на доверять суждению критика, полагаая на его квалификация и добросовестность.

Сергей Морозов, автор статьи “Дедушкина литература”, выбрал тон безапелляционный и пренебрежительный. “Листая (здесь и далее разрядка моя. — А. К.) журнал “Наш современник”, я задумался; “оказывается, есть и новая поросль”. И уже о самой “поросли”: “Некое подобие мысли”. Это о прозе двух Андреев — Антипина и Тимофеева, ведущих писателей нового поколения. Они высоко оценены критикой, отмечены премиями литературных конкурсов. Но даже если бы были неизвестными дебютантами, так нельзя отзываться о пишущих, тем более о молодых.

“...Произведения Антипина воспринимаются этнографически, будто рассказы о пауасах”. Можно подумать — это столичный сноб брезгливо, одним пальчиком перелистывает страницы произведений молодого писателя из таёжной деревни, отстоящей от Иркутска на тысячу с лишком километров. Но нет, Сергей Морозов — сам провинциал, выпускник Новокузнецкого пединститута, работал сельским учителем. Погуглив, читаю: “Преподавал в государственных и негосударственных вузах философию, социологию, политологию, педагогическую антропологию”. Мастер на все руки. Лишь до литературы (это к вопросу о квалификации) они не дошли. Точнее, дотянулись только теперь, когда Морозов стал публиковаться в столичных газетах. Хотя и сейчас он пишет в основном обзоры телепередач, призывая “правильно расставлять акценты” в телевизионной пропаганде (“ЛГ”, № 39, 2015).

Не возьму в толк, с чего это г-н Морозов отзываться о деревенских жителях — героях Андрея Антипина, как о “пауасах”. Фраза отвратительная, кто бы её ни произнёс. Но если в устах высоколобого москвича, такого гражданина мира, её можно было бы понять (но не принять!), то в речи сельского учителя, пусть и бывшего, она звучит ещё и глуповато. Как бы столичные интеллектуалы, с которыми Сергей Борисович пытается быть на равной ноге, его самого не сочли “пауасом”.

Хотя зачем же так неполиткорректно? Чтобы не выходить из круга литературных ассоциаций, напомним фамилию — Смердяков. Г-н Морозов — классический Смердяков. Соотечественники, на его “просвещённый” взгляд, недочеловеки. Обычно сочувствующий своим героям, Достоевский Смердякова показательно отторгает.

В нашем случае Смердяков взялся поучать молодых писателей. На соответствующем его квалификации уровне. Он сурово отчитывает Антипина: “Ничего о личной, человеческой трагедии, которой хлестануть можно читателя основательнее”. Какой литературоведческий изыск: “хлестануть”! Впрочем, изысками г-н Морозов не балует. В основном банальные зубодробительные обвинения: “безыдейный”, “никакой глубокой идеи”, “безыдейность, бессодержательность”. В качестве идеала, к которому подталкивает молодых, — “душеспасительная история”.

А каков стиль: “Любовь как явление жизненное и практическое”; “проблема столкновения надлежащих высоких стремлений и прозы жизни”. Это уже о героях Андрея Тимофеева. О них же: “Человек... стукнутый верой”.

Вера почему-то особенно тревожит Морозова. “Старческое православие”; “ей (настоящей литературе. — А. К.) тесно в рамках... сковывающего этикета, деревенского национализма (так! хотя у Антипина и Тимофеева о национализме ни слова. — А. К.), в полутьме церкви, в духоте ладана”.

Тут бы и поймать Сергея Борисовича на слове: известно, кто задыхается от ладана! Нет, много чести. Тот, другой, с которым беседовал Иван Карамазов, умён. А этот именно что Смердяков, пародия на искусствителя.

Ну, разве не пародийно ключевое обвинение, с которого Морозов начинает статью: “Деревня и вера — две главные темы для писателя-патриота”. И которым статью завершает: “Их книги (молодых авторов “Нашего современника”. — А. К.) вполне во вкусе стариков, цепляющихся за разваливающуюся деревню и застывшую, душную, боящуюся свежести и порывов дерзкого ветра новой истории Церковь. Это дедушкина литература”.

Будь г-н Морозов поначитаннее, он бы знал, что “деревня и вера” — две великие темы мировой литературы, начиная с Гомера и Вергилия (“Георгики” — в переводе “земледельческие” стихи). И русской классики — поздняя лирика А. Пушкина, “Записки охотника” И. Тургенева, деревенские главы “Анны Карениной” Л. Толстого, где гениальные картины природы соседствуют с опи-

санием напряжённых поисков веры Константина Левина. А если говорить о литературе наших дней, следовало бы вспомнить, что Нобелевские лауреаты последних лет – Элис Манро из Канады и китаец Мо Янь – пишут о деревне.

Теперь о добросовестности. Г-н Морозов говорит о двух прозаиках – Антипине и Тимофееве, а зачёркивает всю новую литературу “Нашего современника”. Между тем только в 10-м – “молодёжном” – номере за 2015 год опубликованы двенадцать молодых авторов – 6 прозаиков и 6 поэтов. От прозаиков рецензент отделяется перечислением через запятую: “Новых авторов в достатке (Анастасия Чернова, Елена Тулушева, Антон Шушарин)”. О поэтах не говорит вовсе. Не потому ли, что они не укладываются в навязываемую им схему? Как это, к примеру, стихотворение Антона Метелькова:

*Мы несли голоса, точно факелы,
пламенеющие на ветру.
А они нас смолою оплакивали
на пути к мировому костру.
Голоса наши вспыхнут песней —
сотни, тысячи голосов.
Мы уже не умрём,
а умрём — так воскреснем
и уже не умрём.
Вот и всё.*

А ведь “Наш современник” публиковал молодых не только в десятом номере, но и в первом, и в третьем за прошлый год. Куда же вы их подевали, Сергей Борисович? Не укладываются в прокрустову концепцию? Попытка подтасовать “нужный” результат не делает чести критике.

Кстати, ещё раз о добросовестности. Морозов констатирует: “Новых авторов в достатке”. А Дмитрий Чёрный в той же “Литроссии” уверяет: “Молодые авторы обходят журнал стороной”. Вы уж, господа газетчики, определитесь – есть молодёжь в “Нашем современнике” или нет. Или вам всё равно, за что критиковать, лишь бы сидеть по журналу?

Морозов представляет дело так, будто молодые специально подлаживаются под вкусы “дедушек” из “Нашего современника”, чтобы напечататься. Отсюда – “дедушкина литература”. Собственно, на этом да на обличении “деревни и веры” и держится обвинение.

А давайте посмотрим, где публикуется наша молодёжь помимо “НС”. Сразу станет ясно, так ли уж необходимо им подделываться под чьи-либо вкусы. Андрей Антипин – автор “Юности”, “Литературной газеты”, журнала “Москва”. Андрей Тимофеев печатается в “Новом мире”, “Октябре”, “Литгазете”. Елена Тулушева публикуется не только в московских и питерских изданиях, но и за рубежом – в журналах “Литературный европеец”, “Таллинн” и других. Её рассказы переведены на китайский, арабский, болгарский, белорусский, сербский. Переводят и Тимофеева с Антипиным. Вот какой глобальный спрос на “дедушкину литературу”!

Морозов не назвал ещё одного имени – Платон Беседин. И ясно, почему: Платон, несмотря на молодость, известная медийная фигура. Свой человек на телевидении. Колумнист газет “Известия” и “Комсомольская правда”. Ярлык “стариковского” подпевапы к нему не пристанет.

Важный момент: и Беседин, и Тулушева пишут о современном городе, затрагивая самые актуальные болезненные проблемы. Обвинения в патриархальности отскакивают от них, как шарики для пинг-понга. Да и Тимофеев, если взглянуть объективно, изображает то, что знает лучше всего: студенческую жизнь. Его герои действительно ищут веры. Но не “сухой и отвлечённой церковной теории”, а живого чувства Бога, без которого человеку неуютно в нынешнем, лишённом духовной теплоты мире.

Что же имеем в реальности? Молодых авторов, широко публикующихся в престижных изданиях и столь же широко отображающих современную жизнь.

Да, “Наш современник” печатает их чаще, чем другие. Но разве это можно поставить в упрёк? Это же здорово, что журнал, когда-то приобретший известность благодаря публикациям начинавших свой путь Валентина Распутина и Василия Белова, щедро предоставляет слово новым авторам.

Талантливым? Обратимся к конкретике. К оценкам профессионалов и к самим художественным текстам. Отрывок из рассказа Андрея Антипина я приберегу к финалу, а пока выразительная деталь: на завершившемся недавно представительном конкурсе “Справедливая Россия” три премии получили авторы “Нашего современника”: Андрей Тимофеев, Платон Беседин и Елена Тулушева.

Ещё штрих – на Первом форуме молодых писателей России и Китая в Шанхае, куда отбирали кандидатов со всей страны, из 16 российских участников 5 представляли “Наш современник”.

Закончив о молодых, скажу несколько слов о журнале. Является ли “Наш современник” органом “дедушкиной литературы”? Обилие новых имён отчасти отвечает на этот вопрос. А разве отнесёшь к старикам сорокалетних Захара Прилепина, Сергея Шаргунова, Романа Сенчина, публикующих на наших страницах свои лучшие произведения?

“Наш современник” – образец плодотворного сплава молодости и зрелости. Журнал пяти поколений писателей. Уникальный синтез привлекает читателей, что позволяет “Нашему современнику” из года в год держать первое место по подписке. Это и бесит наших недругов.

Нападки со стороны либеральной прессы захлебнулись. Ничего не дали. Видимо, теперь решили зайти с другой стороны. Ударить в спину с “патриотических” якобы позиций. Этим и объясняется воинственный раж “Литературной России”. Однако ненависть к русской деревне и к Православию ясно показывает, чья рука наносит удар.

А теперь цитата из рассказа “Смола” Андрея Антипина. Десятый – молодёжный – номер “Нашего современника” за 2015 год.

Нам говорят “папуасы”, а вот как пишет о соотечественниках наш молодой автор: “И ты стоишь, как будто из зимнего ручья попил, и с захлёбывающимся, перебивающим самого себя восторгом постигаешь, что нет и не будет завершения этому народу, который поёт и плачет, и скачет через палочку на краю, но умеет остановиться и опануть такой искренней, нерастраченной красотой, какую ты и не подозревал в русском человеке и какая милосердно дарует тебе веру в его нравственное бессмертие, несмотря на всё, что ждёт его впереди”.